

наша русь

Евгений Кутузов

Варяги
славяне
русские

Евгений Николаевич Кутузов

Варяги. Славяне. Русские

Серия «Наша Русь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056832
Варяги. Славяне. Русские: Алгоритм; М.: 2013
ISBN 978-5-4438-0356-2

Аннотация

Автор данной работы предлагает свой ответ на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Склавини, анты, венеты, славяне... Происхождение этих этнонимов, местонахождение славянской прародины, возникновение древнего Киева, загадки Русского каганата и таинственной Артании – вот только небольшая часть того, что может узнать читатель из новой книги Е. Кутузова. И конечно, автор обращается в своем исследовании к критике «норманнской теории» и вопросу происхождения русской государственности. В книге заново рассматриваются личности первых русских правителей, развенчиваются многие мифы и дается окончательный ответ на вопрос: кто такие варяги?

Содержание

От автора	5
Предисловие	13
Часть I	36
Поиски и заблуждения	36
О терминах «склавин» и «сакалиба»	47
Этимология слова «венеты»/«винеты»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Кутузов

Варяги. Славяне. Русские

*Посвящаю памяти
студенческой группы 11/41,
воспитавшей из меня историка
Андюсев Борис
Ануфриева Татьяна
Брюханова Ирина
Волкова Валентина
Высотина Ольга
Галенковский Сергей
Герасимов Виктор
Коротеев Николай
Кривулина Тамара
Кутузов Евгений
Лалетина Вера
Левкова Любовь
Лужецкий Александр
Макарова Нина
Маркова Татьяна
Морозова Ольга
Мошкарёва Наталья
Николаева Вера
Обмолин Василий
Перевозкина Татьяна
Седельников Валерий
Снопков Валерий
Чащина Татьяна
Шипулина Галина
Шлыкова Елена*

От автора

Проблема «откуда есть пошла Русская земля» впервые письменно была поставлена более тысячи лет назад – в конце X века. Тем не менее она и сейчас еще не разрешена, несмотря на усилия историков разной величины. Теории, гипотезы, концепции выдвинуты в несчетном количестве. Собран огромный фактический материал. Но недоумение историков по этому вопросу как было, так и осталось. Причин для этого две: фактов не хватает, несмотря на вековые плодотворные поиски; имеющиеся факты сильно противоречат друг другу. Никому пока не удалось создать концепцию, в которую бы непротиворечиво уместился весь накопленный исторический материал.

Можно было бы сохранять оптимизм, если бы фактологическая база продолжала обогащаться. Тогда имелась бы надежда, что рано или поздно количественный фактологический рост даст новое теоретическое качество. Но, кажется, возможности исторических дисциплин здесь почти исчерпаны. Последние письменные сведения найдены в первой половине XX в. Фундаментальные археологические труды по этой тематике вышли к 70-м годам XX в. На мой взгляд,

далеко не исчерпаны возможности исторической лингвистики. Но проблема в том, что нет историков, профессионально разбирающихся в языкознании, а языковеды невежественны по части истории. Для успешного прорыва на этом направлении нужно ждать появления историка, который будет основательно ориентироваться в механизме языковых процессов. Пока же констатирую, что историки прошедшего века свое дело сделали: на базе собранного фактического материала от разных исторических дисциплин в 70 – 80-х гг. вышло много исторических трудов, в том числе и капитального характера, с попытками осмыслить накопленный материал и дать вариант ответа на вопрос, поставленный в начале.

Большой прогресс исторической науки в XX в. налицо. Но проблема происхождения и начала Руси не решена, противоречия не устранены, что и было признано исследователями отечественной истории.

И еще констатирую: за последнюю треть прошедшего века и начало века нынешнего по вопросу начала Руси не добавилось никаких существенных фактов. В последующих статьях и монографиях «перелопачиваются» одни и те же сведения, добытые к 70-м годам XX в. Концептуальная работа, как уже сказано, не увенчалась успехом. Вопрос зашел в тупик и был оставлен на обочине исторической науки, тем более что в 90-е годы появилась необходимость переосмыслить многое в, казалось бы, хорошо известной и более близкой истории.

Свято место, как водится, пусто не осталось. Его заполни-

ли всякого рода теоретики «Гиперборейской Руси», «арийских славяно-россов» и т. д. Важная научная тема была опущена до уровня бульварного чтения, и ныне на ней активно пасутся разного рода шарлатаны и демагоги.

Поскольку в обозримом будущем серьезной прибавки фактического материала ждать не приходится, то решение вопроса о происхождении и начале Руси требует либо отказа от поиска решения вообще, либо смены методики поиска. Предпочтительнее – второе. Попробуем метод, широко применяемый в точных науках, – изменение граничных данных исследуемого объекта, процесса, явления. В гуманитарных науках он тоже применяется, но редко и стихийно.

Проиллюстрирую простым примером. Перед нами ковер, орнамент которого сильно попорчен. Необходимо выяснить, как выглядел некий автономный фрагмент этого орнамента. Сохранившихся элементов фрагмента явно не хватает для однозначного восстановления его узора. Можно перебирать варианты решения, дискутировать, какой вариант более обоснован. А можно расширить границы поиска, взять на ковре заведомо больший, желательно опять же автономный фрагмент орнамента и проанализировать его структуру в поисках закономерностей, позволяющих судить о структуре неясного фрагмента как о частном в контексте общего.

Если и в этом случае решения не находится, так как больший фрагмент тоже плохо сохранился, мы опять расширяем зону исследования, изучаем с той же целью еще больший

фрагмент.

Занимаясь в течение десятилетий вопросом происхождения и начала Руси, автор этих строк в какой-то момент понял, что данных для решения вопроса в рамках истории Руси явно недостаточно. Пришлось расширить границы поиска и обратиться к вопросу происхождения и эволюции славянства, для которого вопрос происхождения Руси и русских будет частным случаем.

Довольно скоро выяснилось, что славянский фрагмент «орнамента» на ковре всемирной истории сохранился так плохо, что восстановить его, оставаясь в его же рамках, невозможно. Версии противоречат друг другу, фактических данных (сохранившихся элементов орнамента) не хватает.

Пришлось расширить рамки рассмотрения до еще большего фрагмента и посмотреть на славянскую тему на индоевропейском фоне, опять искать повторяющиеся мотивы «орнамента», логическое завершение оборванных нитей. Это усложнило поиск: в поле зрения попали десятки миллионов квадратных километров территории, десятки археологических культур, тысячи лет времени, сотни звучащих и молчаливых исторических свидетельств. Поскольку на пространстве нашего «ковра» пострадали разные места, то при внимательном рассмотрении на сильно попорченном полотне стали просчитываться контуры всего рисунка, неясные фрагменты стали все лучше и лучше читаться, взаимно дополняя

друг друга. Так родилась тема данной работы.¹

Разумеется, и раньше вопрос начала Руси рассматривался в контексте истории славян, славянский феномен рассматривался в контексте индоевропейского, но, кажется, еще никто не пытался последовательно разобрать тему в таком ракурсе. Большая индоевропейская картина, на которой много человеческих фигур, среди них – славянская группа фигур, а в ней – русская фигура. И все это нужно видеть одновременно. Картина сильно попорчена в разных местах. Но, уловив замысел, манеру письма художника, попорченные места можно восстановить, если не все, то значительную часть. Мы получаем дополнительную информацию исторического характера за счет выявления логики общего и частного. Появляется возможность выдвинуть непротиворечивую версию событий и ответить если не на все спорные вопросы, то на многие из них.

Таким путем двигалась мысль автора данной работы. Само же исследование построено противоположным образом: от общей картины – к ее фрагменту, далее – к части фрагмента. То есть сначала рассматривается индоевропейский вопрос, потом славянский, наконец, вопрос Руси и русских. Отсюда и название книги.

Здесь не поставлена задача исследовать каждый неясный вопрос во всей его полноте. Это невозможно ввиду необъятности темы. Привлечен только тот фактический материал,

¹ См.: *Кутузов Е.Н.* Индоевропейцы, славяне, русские. Казань, 2009. 600 с.

который необходим. Рассматриваются те концепции и гипотезы, которые нужны. Не рассматривается библиография темы. По мере возможности сделано так, чтобы факты, идеи, версии работали на результат, а не свидетельствовали в пользу широкой осведомленности автора.

Хотелось бы выразить признательность историкам, лингвистам, фольклористам, антропологам прошедшего века, без работ которых не появилось бы данное исследование. Их фамилии дает список литературы в конце. Это оговорено потому, что в дальнейшем многие из них будут деликатно или жестоко критиковаться, даже если их имена и не упомянуты при этом, только историки поймут, кто имеется в виду. Но именно они создали ту постройку, с вершины которой автор, встав на цыпочки, увидел наконец край истины.

Почему никто из них не написал подобную работу? До начала 70-х годов ее вообще невозможно было написать, так как не было необходимого фактического материала (оформленного в статьях и монографиях). Когда же он появился, должно было пройти время, необходимое для его осмысления. На это ушли 70 – 80-е годы. То есть исследование, подобное этому, теоретически могло быть написано не ранее, чем на рубеже 80 – 90-х гг. Задержка не слишком велика, к тому же 90-е годы мало благоприятствовали серьезной аналитической работе о временах весьма отдаленных. Во всяком случае, автор выражает ушедшим и действующим историкам благодарность за то, что они дали возможность имен-

но ему написать это исследование, как говорится, «стоя на плечах гигантов».

Наконец, еще одно замечание. Как было сказано, почти все сто́ящие факты и идеи по нашей теме введены в оборот около трети века назад и многократно использовались во многих научных трудах. Часть из них стали почти хрестоматийными, и их можно использовать без ссылок. Это резко сокращает библиографию, и может сложиться впечатление, что научная база исследования недостаточно широка. На возможный вопрос знающего историка: «Почему не использована вон та хорошая (капитальная) работа по теме?» – отвечу, что кое-какая литература не упомянута просто потому, что та же информация есть в другой книге. Например, многотомную «Историю СССР» в 60-е годы создавали многие серьезные историки, авторы блестящих статей и монографий. Если они толково изложили суть своей работы в первом томе «Истории СССР», то не всегда имеет смысл добираться до их статей и монографий. Серьезным ученым надо верить в таких случаях. Я это понял из многих проверок. Но и не обязательно делать много ссылок при этом и раздувать библиографию.

И последнее. Писать ли эту работу для специалистов, долженствующих иметь специальные знания и, стало быть, не нуждающихся в том, чтобы им напоминали то, что они и так должны знать, или же рассчитывать также на публику непрофессиональную, но интересующуюся историей? Выбор сде-

лан в пользу второго варианта, поэтому порою сообщаются чисто справочные сведения, которые профессионалы могут пропустить, напоминает о том, что писалось ранее, повторяется цитата. Реалии нашего времени показывают: невежество широких масс населения по части истории – поистине сила демоническая.

Предисловие

Ностратическая языковая общность сложилась на востоке Малой Азии в районе Чатал-Гуюк. Население этого района первым освоило земледелие, чем обеспечило себе «фору» по сравнению с соседями. Результатом перехода к земледелию около 8 тыс. лет назад был мощный демографический взрыв, вызвавший расселение больших масс людей на сопредельные территории.

Расселение вызвало распад ностратического языка на диалекты, превратившиеся в самостоятельные языки: индоевропейский, семито-хамитский, иберо-кавказский, уральский, тюркский, дравидийский, тунгусо-маньчжурский. Индоевропейский язык сложился на территории нынешнего Курдистана 6 тыс. лет назад.

Семито-хамиты заселили Ближний Восток и Северную Африку, дравиды – юг Ирана (Элам) и Индию, иберо-кавказцы заселили Малую Азию, Южную и, частично, Центральную Европу, часть Кавказа. Индоевропейцы продвинулись на Армянское нагорье, заняли западный берег Каспийского моря, вышли в низовья Волги. На Кавказе индоевропейцы чересполосно обитали с иберо-кавказцами. Уральцы заняли Среднюю Азию.

Степи на юге Восточной Европы были очень слабо заселены. Индоевропейцы первыми приручили лошадь и освоили

верховую езду. Междуречье Волги и Яика стало районом активного коневодства древнейших индоевропейцев. Себя они называли *арья*, что значит «говорящие».

В IV тыс. до н. э. индоевропейцы из междуречья Волги и Яика начали активную экспансию на запад, заняв степи до Днестра – Дуная, частично потеснив трипольцев, говоривших на иберо-кавказском языке. На востоке, в районе Яика, границу прочно держали предки уральцев, оставивших кельтиминарскую культуру. Индоевропейцы в степной полосе Восточной Европы образовали древнеямную (ямную) культуру (культурно-историческую общность).

Примерно в XXIV в. до н. э. древнеямная культура внезапно исчезает во всей степи, кроме своей прародины в междуречье Волги и Яика. Предположительно, ее носители вымерли в результате страшной эпидемии. Лошади, потерявшие хозяев, превратились в позднейших тарпанов.

Часть древнеямников, возможно, спасаясь от эпидемии, сменили ландшафт обитания, – бежали в лесную зону, где примерно на стыке границ современной России, Белоруссии, Украины образовали среднеднепровскую культуру (XXIV—XVI вв. до н. э.). Поздний ее этап называют сосницкой культурой. Это были предки народа, известного впоследствии под названием негры.

Так образовались два независимых друг от друга очага индоевропейского языка. Язык обитателей междуречья Волги и Яика стал предком индоиранских языков. Язык населе-

ния среднеднепровской культуры стал предком европейских языков группы сатем: славянских, балтских, иллирийских. В данной работе предложено эти языки условно называть «Европа-сатем». Индоиранские языки, как известно, тоже входят в группу сатем.

Индоевропейцы, жившие на Кавказе, избежали участи древнеямников. Под влиянием иберо-кавказских языков и в силу собственной эволюции язык индоевропейцев, живших в Северной Осетии, приобрел черты, сделавшие его праязыком для языков группы кентум.

Когда степь от Волги до Дуная обезлюдела, индоевропейцы, жившие на Верхнем Тереке в Северной Осетии, под давлением демографической ситуации вышли в степь и быстро заселили междуречье Волги и Дона. Себя переселенцы называли *асы* – «змеи». От них и вся территория получила название Асия (Азия). Скандинавы эпохи викингов еще помнили, что на Дону находится «Асгард» – город богов асов.

Из Азии волны переселенцев хлынули на соседние степные территории. В основном – на запад, но отдельные группы асов проникли даже на исконную землю арьев в междуречье Волги и Яика. На запад экспансия была стремительной. Через 200 лет после выхода из Дарьяльского ущелья потомки кавказских выходцев появились в районе Одессы. При этом они ассимилировали, изгнали, истребили начавшее восстанавливаться древнеямное население. Бежавшие на Средний Днепр древнеямники положили начало легенде, зафиксиро-

ванной Геродотом, об огромном количестве змей, порожденных родной землей, и бегстве с нее по этой причине. Новые насельники степей создали культуру, названную археологами катакомбной. На Правобережье Днепра волна мигрирующих катакомбников смела или интегрировала поздних трипольцев, оставивших памятники усатовской культуры.

Продвигаясь еще дальше на запад, катакомбники пересекли реку Днестр, являющуюся с древности и до сего дня геополитической границей региона Восточная Европа с регионами Западная Европа и Балканы. Для археологов они стали менее заметны, так как в другом геополитическом пространстве пришельцы сильно изменили свою материальную культуру, причем произошло это довольно быстро – за два-три поколения. Одна волна катакомбников ушла в Западную Европу, другая – на Балканы. На Балканском полуострове они, в свою очередь, разделились на два потока (около 2000 г. до н. э.). Одна волна пошла на юг полуострова и стала предками древних греков (ионийцев и ахейцев), другая волна через проливы ушла в Малую Азию, где образовала группу хетто-лувийских языков, тоже около 2000 г. до н. э. Стремительность расселения катакомбников дает основания предположить, что расселялись они по земле, опустошенной эпидемией, где население не успело восстановить свою численность.

Продвигаясь на восток Малой Азии, потомки катакомбников (предки хетто-лувийцев) достигли территории древ-

нейшей индоевропейской прародине. Здесь они встретили древнейшее индоевропейское население, говорившее на языке группы сатем. Впоследствии ими на древней прародине индоевропейцев было образовано государство Митанни. На территории нынешних Армении и Азербайджана существовали родственные митаннийскому языки группы сатем. Со временем все они, кроме армянского, исчезли. Армянский язык восходит к индоевропейскому праязыку, не имеет родственников и является третьим очагом языков группы сатем. В Северной Месопотамии (Харран), в Северном Ханаане (Галилея) индоевропейцы жили чересполосно с древними семитами.

Около 1800 г. до н. э. пришедшие с запада потомки катакомбников основали первое индоевропейское государство – Хеттскую державу. Восточнее в это же время шло формирование другого индоевропейского государства – Митанни. В XVI в. до н. э. древнейшие эллины основали третье индоевропейское государство – державу Миноса.

Потомки катакомбников, ушедших в Западную Европу, основали там унетицкую, позднее тшинецкую культуры, далее продвинулись в Восточную Прибалтику, там они известны археологам под названием «культура боевых топоров». Оттуда они проникли в Юго-Западную Финляндию, далее, через Аландские острова, – в Швецию, заняли юг Скандинавии. Языки населения унетицкой и тшинецкой культур исчезли еще в бронзовом веке, в Восточной Прибалти-

ке аистии долго сохраняли язык культуры боевых топоров, пока не были ассимилированы финно-уграми и балтами. В Юго-Западной Финляндии индоевропейские пришельцы называли себя словом, производным от корня «сам» – «человек»/«мужчина». Отсюда название страны – Суоми – и название народа – саамы. Единственное место, где сохранился язык потомков унетицкой и тшинецкой культур, – Скандинавия. В дальнейшем из языка скандинавских индоевропейцев возникли германские языки.

Вернемся к потомкам древнеямников, сохранившихся в междуречье Волги и Яика. Их памятники начала бронзового века относят к полтавкинской культуре. В XVIII в. до н. э. у них произошла культурная мутация, сформировалась активная и агрессивная срубная культура. На северных ее рубежах, где-то в Челябинской области, возник еще один активный культурный очаг, его создатели – предки угров, финнов, самодийцев. Население обоих очагов жило чересполосно, поэтому древнейшие уральцы усвоили в свои языки много индоевропейской лексики, а также некоторые религиозно-мифологические представления индоевропейцев вошли в религию и мифологию угров, финнов, самодийцев.

Из родного междуречья (Волги и Яика) носители срубной культуры начали активно наступать на запад и на восток. На востоке они достигли Минусинской котловины. От Яика до верховьев Енисея возникла андроновская культура. Одновременно шло движение в южном направлении, в Среднюю

Азию. Там пришельцы зафиксированы в памятниках тазабагьябской культуры. Одряхлевшая кельтимионарская культура исчезла. Из Средней Азии индоевропейское население двинулось в Афганистан, Иран, Северную Индию. Пришельцы называли себя древним этнонимом – арья. В XV в. до н. э. произошло арийское завоевание Индии. В XI—X вв. до н. э. арья стали господствовать на территории нынешнего Ирана. Но еще несколько веков пришлые индоевропейцы в Иране жили чересполосно с прежним населением, родственным эламитами. Так возникла обширная индоиранская ветвь языков.

Другой поток из междуречья Волги и Яика двинулся на запад. Примерно в течение трех столетий потомки древнеямников, ставшие срубниками, упорно теснили катакомбников, занимая земли, которые считали принадлежащими их предкам. Постепенно между Волгой и Днепром оформилась территория срубной культуры. Есть основания полагать, что между срубниками и катакомбниками отношения были неприязненные. Значит, мирная ассимиляция была исключением, доминировало желание истребить или изгнать. Где-то около 1500 г. до н. э. срубники ворвались в Крым и заняли его степную часть. Катакомбники отступили на крайний юг Крыма и закрепились по линии Крымских гор (Крымского Тавра). Их потомки образовали народ – тавров, откуда древнее название Крыма – Таврия. В XV в. до н. э. срубники в ходе наступления достигли Днепра и в его устье перешли на правую сторону. После этого экспансия на запад срубни-

ков резко остановилась. Предположительно, катакомбники, сделав выводы из трехвековых неудач, объединили племена между Днестром и Карпатами, в одной битве или в ряде побоищ доказали срубникам бесперспективность дальнейшей экспансии, и между двумя противостоящими силами было заключено что-то вроде «вечного мира». Видимо, обе стороны на мирной «конференции» поклялись своими богами вечно уважать границу по Днестру.

С XV в. до н. э. для археологов катакомбная культура исчезает, они перестают пользоваться этим термином, словно она бесследно канула. Но катакомбники остались на Правобережье Днестра и во многих других местах. И они имели потомков. Учитывая, что катакомбники говорили на языках группы кентум, для удобства изложения в дальнейшем будет использоваться термин «кентумиты». Этим термином в данной работе обозначаются языковые потомки носителей катакомбной культуры начиная с XV в. до н. э.

События, связанные с экспансией срубной культуры, имели весьма значительные последствия для всех окружающих регионов. Рассмотрим их по очереди. Если уподобить срубников поршню, а катакомбников сжимаемому газу, то историко-этнические процессы в степях Восточной Европы имели сходство с физическими процессами. Катакомбников этот «поршень», во-первых, отбрасывал к окраинам степного ареала, во-вторых, гнал впереди себя, прочь из ареала, на запад. Часть катакомбников уцелела, «прижавшись спиной»

к горам Кавказа за рекой Гипанис (Кубань). Другие уцелели, «прижавшись спиной» к восточному берегу Черного моря. Они стали предками меотов и синдов. Катакомбники, оттесненные на север, ушли в лесостепь. Они «прижались спиной» к Лесу. По всему поясу восточноевропейской лесостепи сформировались этносы, говорящие на родственных языках группы кентум. Этот пояс из этносов отделил Лес от Степи, поэтому никакого контакта между индоиранцами срубной культуры и населением Леса не было, вопреки общепринятому ныне в истории и языкознании мнению. Эти кентумитские этносы обитали в лесостепи очень долго, постепенно размываясь. Видимо, последние кентумитские языки исчезли в Восточной Европе в XIII в., после Батыева нашествия.

Кентумиты, оттесненные за Днепр, оставили памятники сабастиновской культуры. В Западном Поднепровье сложилась ситуация перенаселенности, и избыточное население устремилось прочь из Восточной Европы, вытесняя чуждые, а иногда и родственные племена. Часть его устремилась на Балканы. С этим связано переселение некоторых народов с Балкан, через пролив, в Малую Азию (мисийцы), дорийское нашествие на Ахейскую Грецию, экспансия «народов моря». Другая волна избыточного населения ушла на Запад, в Паннонию и далее. С этим переселением связано возникновение курганной культуры в Западной Европе. Кентумитская волна проникла в Северную Италию, откуда около XI в. до

н. э. произошло заселение кентумитами большей ее части. Так возникли италики, в том числе латины. Другие, из Северной Италии ушли еще дальше на запад, в Юго-Восточную Францию, где стали предками кельтов. Италийские и кельтские языки имели заметное сходство между собой, что во времена Римской империи облегчало романизацию населения Галлии.

Примерно в это же время из Испании в Западную Европу шла встречная экспансия культуры колоколовидных кубков, ее носители говорили на иберо-кавказских языках. Они достигли Британии, Ирландии, а также Германии, Чехии, Польши, здесь они местами жили чересполосно с индоевропейцами. Победа осталась за индоевропейскими языками. Севернее Альп, в Западной Европе, все еще обитало много племен, потомков неолитического неиндоевропейского населения.

Вернемся в Восточную Европу. Когда шла экспансия срубников на запад – в степи, в лесной зоне «зеркальным отражением» шла на запад экспансия носителей финских языков. Их языковые родственники – угры и самодийцы – заселили регионы Урала и Западной Сибири. В ходе экспансии на запад протофинские племена оставили памятники дьяковской культуры в лесной зоне Европейской России. Носители финских языков достигли Балтийского моря в XII в. до н. э. Движение по Лесу шло медленнее, чем через Степь.

Движение дьяковцев на запад столкнулось со встречным

движением на восток племен индоевропейского происхождения. Это были носители фатьяновской культуры – потомки носителей среднеднепровской культуры. В начале бронзового века среднеднепровцы начали экспансию в трех направлениях. Они не пошли на юг, в степь, где их языковые родственники – срубники – сражались с катакомбниками за землю предков. На северном направлении среднеднепровские мигранты заселили Белоруссию, часть Восточной Прибалтики, Псковскую область, достигли на севере реки Невы. Продвигаясь на запад, они поглотили на Западной Украине местное древнее население с развитым культом камня, далее, на запад, они ассимилировали население унетицкой и тшинецкой культур. На базе такого синтеза возникла мощная и яркая лужицкая культура (культура полей погребальных урн). Ее носители говорили на языке Европа-сатем. Экспансия на восток, в нынешнюю Центральную Россию, была менее удачной. Впервые носители индоевропейского языка проникли в Подмосковье и далее – на Среднее Поволжье. Они оставили памятники фатьяновской культуры, судя по которым отношения с окружающим населением у них были враждебные. В течение нескольких веков фатьяновцы жили в центре Восточной Европы и в Поволжье, потом исчезли. Видимо, частично были истреблены, частично слились с финским населением.

Вернемся к носителям срубной культуры. Лишенные возможности вести далее экспансию на запад, они испытывали

возрастающее внутреннее демографическое давление. С их стороны усилился натиск на кентумитов, отступивших на север, в лесостепь. Особенно сильным такое давление было в Поволжье. Сюда ушли потомки катакомбного населения из наиболее ранних насельников опустевшей степи. Им не с кем было смешиваться на новом месте, и в их облике сохранились специфические кавказские антропологические черты. Но срубники не оставили в покое ушедших на север кавказоидов. Где-то с XIII в. до н. э. срубники стали так сильно давить с юга, что изгнанникам пришлось уйти еще дальше на север – на территорию нынешних Чувашии, Татарстана, Марийской республики. С их приходом связано появление в Среднем Поволжье абашевской культуры. Срубники продолжали давить с юга, в конце концов абашевцы ушли в район реки Вятки. Дальнейшая их судьба неизвестна, скорее всего, они постепенно слились с предками удмуртов и других племен финского языка.

Интереснее судьба тех, кто не захотел покинуть лесостепь, ставшую для кентумитов за века привычной зоной обитания. Под давлением срубников эти кентумиты, как паста из тюбика, устремились на восток в пределах полосы лесостепи, видимо, в те времена слабозаселенной. Теснимые кентумиты заняли лесостепь Башкирии, Урала, Западной Сибири. С этим расселением связана так называемая «тайна бронзовой цепи Евразии», протянувшейся от Бородинского клада в Молдавии – до стоянки Самусь в Томской области. Вопреки

расхожему мнению, вдоль всей линии сеймино-турбинских находок обитали близкородственные по языку племена.

Дальнейшая судьба сибирских кентумитов реконструируется следующим образом. Из Томской области они проникли в Минусинскую котловину, где составили один из компонентов карасукской культуры и сыграли значительную роль в этногенезе кетов. Затем они проникли в Забайкалье и нынешнюю Монголию, где в языке и культуре оставили следы своего пребывания. Наконец, они попали в Центральную Азию, где сыграли ведущую роль в этногенезе ранних скифов. Впоследствии они стали известны под именем тохаров и оставили письменные памятники своего языка, так озадачившего ученых историков и лингвистов в начале XX в. своей принадлежностью к языкам группы кентум.

Памятники тохарского языка относятся к VI—VII вв. После этого тохары-индоевропейцы исчезают, но примерно на том же месте в VI—VII вв. впервые фиксируется этноним «татары». Логично предположить, что название тюркского этноса «татары» происходит от этнонима «тохары».

В конце бронзового века носители срубной культуры все же форсируют Днепр. Особенно много памятников поздней срубной культуры на Правобережье найдено на рели днепровской излучины. Между XI—IX вв. до н. э. срубная культура неизвестно куда исчезает. Нет никаких археологических памятников этого времени, которые позволили хотя бы примерно определить, какие процессы происходили в Сте-

пи в это время. В археологическом плане мы имеем «белое пятно» продолжительностью около трех столетий. Наиболее вероятное объяснение: степь между Волгой и Днестром была поражена невиданной силы засухой. Население покинуло эти места или вымерло. После исчезновения срубников их место заняли киммерийцы, непонятно когда и откуда пришедшие. В свою очередь, их в Степи сменили пришедшие из Заволжья скифы. Киммерийцы покинули восточноевропейскую степь, рассеялись по Западной Европе, часть ушла в Восточную Прибалтику и сопредельные земли, где на древний змеиный культ они наложили свой культ коня. Спустя более чем 1,5 тыс. лет это наложение отразилось в легенде о смерти Вещего Олега от змеи, выползшей из конского черепа.

Возникшая в Центральной Европе культура полей погребальных урн (лужицкая культура) вела экспансию на запад и на юг. На западе «брызги» этой культуры обнаруживаются в Германии, Франции, Испании. На юге ее носители перешли реку Дунай, что означало уход в другой геополитический регион, а с этим всегда связано сильное изменение материальной культуры и «ускользание» по археологическим критериям от родства с лужицкой культурой. Носители лужицкой культуры, ушедшие за Дунай, стали предками иллирийцев. Одни из них продвинулись на Динарское нагорье и южнее, другие в XII в. до н. э. поселились в Италии. Но уже в XI в. до н. э. в Италию пришли из Паннонии предки

италийцев (потомки носителей курганной культуры). Иллирийцы Италии были частью ассимилированы, частью оттеснены на юго-восток полуострова. В таком виде ситуацию застают античные ученые, а современные историки выдвинули неверную и ничем не обоснованную гипотезу о переселении иллирийцев в Италию с севера Балканского полуострова морским путем.

В общей массе переселяющихся в Италию потомков населения лужицкой культуры было и племя венетов. Они поселились и на северных, и на южных склонах Альп. В таких случаях история двух частей одного народа начинает идти по-разному, и они постепенно превращаются в разные народы с разной судьбой, если нет сильных факторов, препятствующих такому естественному процессу. Земли южных венетов стали «проходным двором» для предков италиков и кельтов. Свой язык южные венеты не потеряли, но он настолько модифицировался, что уже античные ученые затруднялись определить его родство с другими языками, современные лингвисты не в силах определить, относится ли язык венетов к группе сатем или к группе кентум. Венеты, жившие между северным склоном Альп и Дунаем, попали в состав римской провинции Норик и были сильно романизированы. Венеты, жившие от северного берега Дуная до гребня Богемского массива, сохранили самобытность. Когда лужицкая культура уступила место поморской, а затем пшеворской и зарубинецкой культурам, венеты в этом регионе

сохранились как реликт лужицкой культуры.

В энеолите и бронзовом веке у индоевропейцев центральное место в религиозных представлениях играли змеиные культы. С ними связан огромный пласт тем в мифологии, в сказках, в этнонимии, в антропонимии. В современной фольклористике по части змеиных культов лучше других разработана тема змееборчества, хотя понимание ее истоков и логики развития отсутствует. На рубеже бронзового и железного веков змеиные культы стали трансформироваться в птичьи культы, а у более передовых народов произошла дальнейшая их трансформация в антропоморфные культы.

В раннем железном веке, где-то в VII—VI вв. до н. э., во всей Европе (и не только в Европе) наступило сильное похолодание, которое длилось несколько столетий. Увеличение количества снега и льда в Восточной Европе вызвало изменение гидрологических характеристик ее территории. Изменение и перераспределение объемов влаги на Русской равнине привело к тому, что некоторые речные притоки несли больше воды, чем реки, в которые они впадали. Поэтому в античное время понятие «река» и «ее приток» не всегда совпадало с современным представлением о реке и притоках. Некоторые нынешние притоки считались основными реками, а основная река – притоком. В Центральной России существовало большое озеро, ныне исчезнувшее, но оставившее обильные торфяники. Похолодание имело катастрофические последствия для индоевропейского на-

селения Финляндии. Оно пережило регресс и вернулось в каменный век. Резко ухудшились условия жизни в Скандинавии. Деградировала высокая скандинавская земледельческая культура бронзового века. Видимо, тогда и возник топоним Скандинавия – «скудный остров». Далекие потомки носителей культуры боевых топоров, по языку прагерманцы, вынуждены были переселяться на юг – в Данию, а оттуда – на южное побережье Балтики. Это произошло около 600 г. до н. э. Так на континенте появились первые германцы. Прагерманский язык распался на скандинавский и континентальный диалекты. От ютландского перешейка древние германцы расходились на три стороны: на восток, на запад, на юг. Возникли восточногерманский, западногерманский, южногерманский диалекты, выделяемые современной лингвистикой.

Примерно в это же время началась активная экспансия кельтов из Юго-Восточной Франции. Кельтское море затопило Западную Европу, достигло Причерноморья и Малой Азии. В раннем железном веке индоевропейские языки победили в Западной Европе, за исключением большей части Пиренейского полуострова, области Этрурия в Италии, видимо, кое-какое неиндоевропейское население сохранилось в Ирландии. Кельты и скифы-кентумиты в Западном Причерноморье легко смешивались между собой, так как имели похожие языки и помнили о древнем родстве.

В клинописных надписях Персеполя, примерно V в. до

н. э., сообщается о народе гун в Причерноморье. Позднее в скандинавских сагах Причерноморье будет называться Гуналанд. Объяснения этому наука не дает, так же как и присутствию гуннов в Приднепровье во второй половине II в. н. э. В данной работе предлагается версия, что гуны – общее название скифо-кентумитских народов между Днестром и Прикарпатьем. Гунны-тюрки, пришедшие из глубин Азии и поселившиеся первоначально между Волгой и Яиком во II в. н. э., были отюрченными потомками азиатских скифов-кентумитов, сохранившими древний этноним.

Во времена Геродота только часть скифов вела кочевой образ жизни. Большая часть европейских скифов была оседлой. Вопреки общепринятому мнению, скифы говорили не на иранских языках, а на языках группы кентум, близкородственных языкам кельтов, латинскому и греческому языкам. Кочевые скифы, пришедшие из Азии, тоже говорили на языке группы кентум, их можно считать ветвью тохарских народов. Понятие «скифская культура» имеет не больший смысл, чем, например, понятие «западноевропейская культура».

Сарматы, захватившие Северное Причерноморье во II в. до н. э., не ликвидировали скифо-кентумитское население на Правобережье Днестра, т. к. гуны здесь сохранились до гуннского времени, а скифы-росомоны, – по крайней мере до VI в. н. э. Тем не менее сарматы дошли до Паннонии. Значит, они жили чересполосно со скифами-кентумитами.

Прародина балтов – Кашубская возвышенность на севере

Польши. В результате местной мутации лужицкой культуры там возникла в X—VIII вв. до н. э. агрессивная поморская культура. Ко II в. до н. э. лужицкая культура почти везде исчезла, «съеденная» поморской. Последняя быстро распалась на две родственные культуры: пшеворскую (запад) и зарубинецкую (восток). Разлом прошел по геополитической границе между Западной и Восточной Европой.

Прародина славян имела небольшую площадь: Северная Австрия (земли севернее Дуная), горы Южной Чехии (Шумава и Чешский Лес). Западная граница – верхнее течение реки Влтавы, восточная граница – река Морава. В начале н. э. эти земли входили в состав государства Норик, имевшего свою письменность. Впоследствии этой письменностью праславяне и славяне пользовались много веков и называли ее глаголицей.

На территорию славянской прародины переселилось много иллирийцев и кельтов. Поэтому венетов Норика нельзя считать прямыми предками славян. Словене – следует перевести как «венеязычные», т. е. они сами подчеркивали многоэтничность своего происхождения даже в самоназвании.

В праславянский период (I—V вв. н. э.) праславяне жили в своих горах отдельными племенами. Социальных структур типа союзов племен они не знали. Поэтому современники называли их «споры» – «рассеянные».

В праславянский период шел медленный, малозаметный процесс ассимиляции праславянами кельтского народа бой-

ев на территории нынешней Чехии. Граница праславянских поселений медленно сдвигалась на север. После смерти Атиллы в 455 г. Паннония сильно запустела. Праславяне жили на западной ее границе в горах в условиях большой демографической плотности. Они стихийно ринулись на плодородные опустевшие земли, повышение жизненного уровня вызвало у них резкий рост народонаселения. К концу V в. новый этнос заметили и стали о нем писать. Закончился праславянский период истории, начался славянский.

В VI в. в Европе бушевала «Юстинианова» чума. На многих территориях она выкосила большую часть населения, остатки его бежали в другие земли. Славян эпидемия задела слабо, прирост населения у них был высокий, в результате славяне заселили в VI—VII вв. огромные территории. Балты вымерли почти все. Славяне помнили о своем родстве с балтами, опустевшие земли они занимали как принадлежащие их предкам. Высокий прирост обеспечил в VII—VIII вв. восстановление численности населения на вымерших землях, но заселял их уже другой этнос – славяне. Одновременно шел стремительный процесс образования славянских союзов племен. Но долго племенными союзами славяне не жили. Уже в IX в. начался процесс образования славянских государств и формирование славянских этносов. На тех землях, где славяне продолжали жить отдельными племенами, не образуя племенных союзов, они сохранили самоназвания от «словене» (словенцы, словаки, словене). Где-то в VIII—

IX вв. славяне забыли о своем родстве с балтами.

С VI в. славяне оказались в трех разных геополитических регионах: Западная Европа, Восточная Европа, Юго-Восточная Европа (Балканы). Уже писатели того времени отметили три группы славян: венеды, анты, склавины. Расселение славян шло главным образом из Паннонии, поэтому в коллективной славянской памяти сохранилась Паннония как место расселения. Но сохранилась память и о прародине – Норике.

В Восточную Европу славяне проникали двумя потоками. Один поток двигался из Польши, через Белоруссию, севернее Полесья. Другой поток шел из Паннонии, через Карпаты, южнее Полесья. Потоки переселенцев сомкнулись на Верхнем Днепре.

Во II в. в Причерноморье переселились готы. Возглавив местных скифов-кентумитов (гунов), они создали примитивное государство, оставившее черняховскую культуру. Готы приняли христианство по арианскому образцу и создали свою письменность. Славян в Восточной Европе еще не было.

В IV в. пришедшие из Азии гунны-тюрки разбили алан и вышли к Днепру. Видимо, они и скифы-гуны пришли к выводу о взаимном родстве. Скифы-гуны вступили в союз с гуннами, и совместно они создали гуннскую державу. От скифов-гунов происходят, в основном, гуннские имена и отдельные известные слова гуннского языка, сходные с кельтскими.

После падения гуннской державы в Поднепровье возвысился народ росомонов, имеющий скифо-кентумитское происхождение. Именно о них писал Псевдо-Захарий как о людях, которых не могут носить кони. Начиная с VI в. Восточная Европа стремительно славянизировалась. Пользуясь слабостью организованностью славян, росомоны совершали на них грабительские походы на судах. При этом росомоны сами постепенно славянизировались, как и живущие в Поднепровье лесные готы-тервинги. От готов в язык восточных славян перешел ряд слов, в том числе слово «варяг» («вар» — «ягдт» — «охотник за товаром»), которое у славян с течением времени стало означать «сборщик дани, привозящий товары на продажу», после того как грабительские набеги постепенно сменялись взиманием дани. В ходе ославянивания готов славянизировалась их письменность. Постепенно сложились «русские письмена». На их основе Кирилл и Мефодий создали кириллицу. В IX—X вв. на Руси было две письменности: древняя глаголица, которой пользовались язычники; кириллица, которой, в основном, пользовались христиане. Особенностью Руси было то, что христиане и язычники в течение веков жили в одном обществе.

В Поднепровье и на соседних землях обитало несколько этносов, имевших в названии корень «рус»/«рос»/«роуш». Мусульманские авторы знали три руси. Сколоты — «белые поляне», видимо, использовали корень «рус»/«рос» как кальку к названию «сколот» («сакколо-лот»). Корень

«рус»/«рос» часто встречается в названиях восточнославянских племен (у озера Ильмень, в Белоруссии, на Карпатах). Этнос с названием рус имелся и на Северном Кавказе. Поэтому этноним на основе корня «рус»/«рос» легко принимался как общее название формирующегося восточнославянского общества, сложившегося в этнос. Термины «страна сакалиб» и «страна Рос» – взаимозаменяемые синонимы. И то, и другое означает «Белая/Светлая страна».

В Начальную летопись наряду с истинными фактами вошли переработанные легенды и мифы, не имеющие фактической основы, например легенда об основании Киева князем Кием и его братьями, смерть Вещего Олега от коня и змеи. «Сказание о призвании варягов» было неверно интерпретировано уже автором Начальной летописи, историки начиная с XVIII в. добавили своих домыслов, чем страшно запутали вопрос о начале русской истории.

Часть I

Славяне

Поиски и заблуждения

Наблюдая мозаику на протяжении четырех тысяч лет сменяющих друг друга языков и этносов, автор все время искал истоки происхождения славян. Исследование подошло к рубежу нашей эры, но каких-либо следов славянства хотя бы в зародыше не обнаружено. Зато можно сделать уверенный вывод о принципиальной ошибочности поиска истоков славянства не только в энеолите, но и в бронзовом веке. И даже в раннем железном веке славянство как обособленная этническая система отсутствовало. Также получено относительно четкое представление: как, по каким законам, в какой последовательности шло развитие индоевропейской языковой системы. Еще раз подчеркну, что выражения типа «вычленение таких-то языков из первичной индоевропейской общности» считаю абсолютно ненаучными, т. к. они предполагают, что индоевропейская языковая общность существовала тысячелетия как системная целостность, из которой время от времени, как яйца из курицы, выпадали те или иные языки: индоиранские, хетто-лувийские, германские, итальянские

и т. д. Если же принять такую схему, то неизбежно надо ответить на вопрос: когда же эта индоевропейская общность окончательно исчезла, поскольку в наше время ее не существует. И, скажем, во времена Геродота она тоже не существовала. Первичная индоевропейская общность распалась 6 тысяч лет назад. Все! В дальнейшем существовали только родственные друг другу, постепенно становящиеся чужими, отдельные языки. С которыми происходил точно такой же процесс.

Начиная с 2000 г. до н. э. в распоряжении науки появляются постепенно письменные свидетельства о развитии индоевропейской этноязыковой системы, сначала ближневосточных, потом античных авторов. О славянах никто из них ничего не сообщает. Это важный аргумент для сомнения в их существовании в столь давние времена. Но с непостижимым упорством большое число исследователей игнорируют очевидный факт и ищут дату «вычленения праславянского языка из первичной индоевропейской общности» как можно дальше в глубине веков и ищут славянскую прародину, как можно большую по размерам, тем самым превращая античных ученых в идиотов, не видящих слона у себя под боком. Нет ни одного доказательства, ни прямого, ни косвенного, к гипотезе об огромной территории славянской прародины и о глубокой древности славянского племени. За доказательства выдаются предположения. Например, тезис: тшинецко-комаровская культура – праславянская. А

почему? Где доказательства? Теоретически можно доказать двумя путями. Либо, идя от несомненно славянской археологической культуры вглубь времен, каждый раз доказывать преемственность между собой для всей цепочки промежуточных археологических культур. Либо, взяв за отправную точку вычленение индоевропейской языковой общности из ностратической, построить общую модель ее динамичного роста, развития, членения и внутри этой общности протянуть нить от индоевропейцев к славянам. Первый путь испробовало множество исследователей. Он привлекает кажущейся простотой, но коварно заводит всех, кто пойдет по нему, в хаос неопределенности. Если возьмем первую бесспорно славянскую роменско-боршевскую культуру и сделаем шаг назад в глубь веков, то перед нами предстанут черняховская, зарубинецкая, пшеворская культуры. Неопределенность начинается уже здесь: одни исследователи категорически отвергают их славянский характер, другие отстаивают их славянскую идентичность. Стало быть, уже здесь во главу угла ставятся предположения. Еще на шаг дальше – в наше поле зрения попадают милоградская, поморская культуры. Их славянская идентичность вызывает еще большие споры. Еще дальше вглубь: чернолесская, белогрудовская, лужицкая культуры – ситуация та же самая. Таким образом, предположения в качестве фундамента имеют опять же предположения – очень ненадежный способ отыскать истину. Если двигаться вверх по течению реки от устья в поисках истока,

скорее всего заблудишься и попадешь в один из притоков.

Второй путь – здесь удобнее провести сравнение с шахматной игрой. Представим ситуацию: шахматного мастера подвели к доске на которой начали разыгрывать миттельшпиль и попросили оценить партию. Для этого ему надо знать предыдущие ходы, т. е. историю партии. Ни один шахматный знаток не будет проводить обратной интерполяции. Он использует свое знание исходного положения фигур и по их нынешнему расположению попытается понять, из какого дебюта развился данный миттельшпиль, затем определит вариант дебюта. После чего даст анализ ситуации и прогноз.

Факты развития индоевропейской этноязыковой системы – как ходы в шахматной игре. Если взять достаточное количество исходных фактов, осторожно использовать логику, метод исключения, сравнение с подобным, согласовать все это с островками документальных свидетельств, то появляется возможность без разрывов и допущений проследить среди всяческих разветвлений искомую нить этноисторического процесса. В предыдущей части проведен анализ «индоевропейского дебюта», который привел к «славянскому миттельшпилю».

В свое время известный славист П.И. Шафарик, пытаясь объяснить странное молчание античных авторов о славянах, выдвинул странную версию, которую до сих пор с серьезным видом повторяют многие ученые-слависты. Например, В.П. Кобычев: «...П.И. Шафарик, который писал, что в глазах

греческих и римских писателей первых веков средневековые славяне выглядели старым, хорошо известным, по его выражению, «домашним народом», который ниоткуда не пришел, но всегда жил где-то поблизости от их земли» [90, с. 142].

Вот яркий пример «дурной диалектики», с помощью которой объясняется все что угодно: о далеких народах не пишут, потому что не знают, о соседних народах – потому что и так знают. Кельты, фракийцы, германцы были для античных авторов самыми что ни на есть соседскими народами, но о них остались многочисленные сведения. С соседями всегда поддерживают дипломатические, торговые, личные отношения, а это не может хотя бы мимоходом не отразиться в исторических и прочих документах. Фракийцы ходили с Александром Македонским громить персидскую державу, у скифов греки покупали зерно, римлянам приходилось воевать с кельтами. Скиф Анахарсис считался одним из семи древнегреческих мудрецов, а Римской империей одно время управлял император Филипп Араб. А что же славяне? Почему умалчивали о славянах античные географы, которые имели цель описать все известные земли и народы? Например, Страбон. Клавдий Птолемей жил во II в. н. э. в Александрии. Его называют великим астрономом, хотя на самом деле он был астрологом и в астрономии разбирался по этой причине. Одна из книг его «Тетрабиблоса» («Четырехкнижия») посвящена мунданной астрологии, т. е. соотношению стран и народов со знаками зодиака. В такой работе требовалось на-

звать все известные страны и народы. Разве можно сомневаться, что ни Птолемей, ни другие античные писатели ничего не слышали и не знали о славянах?

Приводят такой аргумент, что в античное время славяне фигурировали под другими именами. Но почему все-таки, несмотря на то, что порой возникает недоумение у исследователей – к кому причислить то или иное названное античными авторами племя: к кельтам, к германцам, к дако-фракийцам, к иллирийцам, к балтам, к сарматам, – сам факт наличия на территории Европы этих народов не ставится под сомнение, и, во всяком случае, всегда можно указать племена, бесспорно являющиеся кельтскими, германскими, фракийскими, иллирийскими, балтскими и т. д. И даже более или менее точно определить их локализацию на карте. Согласимся, что только славяне в этом смысле представляют собой исключение.

Праславян в бронзовом и раннем железном веке не было. И ничего тут нет удивительного – каждый народ, язык, этническая общность когда-то отсутствовали, а в какой-то период времени появились. Некоторые, вынырнув из пучины истории, снова в ней бесследно растворились, как, например, фракийцы или хетты, от других остались только реликты, несмотря на былое величие в древности, например от сарматов, кельтов. Разве славяне не должны были сначала отсутствовать, потом вынырнуть из пучин истории. Так уж сложилось, что они остались до сего дня.

Насилие над историей с целью удревнения того или иного народа или языка имеет место не только относительно славян. Выше я цитировал А.А. Монгайта относительно проблем германского этногенеза. Почему бы эту здравую мысль не приложить к славянам? Только с учетом, что протославянская этноязыковая общность сложилась позднее германской, ведь о германцах античные авторы сообщают.

Мысль эта не нова. Еще М.В. Ломоносов в «Замечаниях на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» с возмущением писал: «Господин Миллер... предполагает, что славяне около Днепра и Волхова поселились больше четырехсот лет после рождения Христова...» [108, с. 200].

Хотя Миллер о древности происхождения славян ничего не говорит, а говорит только о позднем появлении славян в Восточной Европе. Но, разумеется, М.В. Ломоносов имел основания заподозрить Миллера, что последний считает славян молодым этносом.

В XX в. наиболее заметным отечественным историком, защищавшим тезис о сравнительно позднем появлении славян в Восточной Европе, был И.И. Ляпушкин. Он считал, что славяне в Поднепровье появились с запада или с юга, из поречья Дуная, а произошло это около VI в. н. э. То есть приход славян на Днепр Ляпушкин по сравнению с Миллером омолаживает на столетие [109]. Ломоносова, умевшего швыряться тяжелыми академическими стульями, не него не

нашлось.

Для выявления других странностей в трактовке славянской предыстории, для примера, вновь обратимся к позиции одного из корифеев отечественной исторической науки XX в. – В.В. Мавродина. Как уже ранее отмечалось, в одной работе он выступает против «гиперавтохтонности» славян в Восточной Европе [111], в другой же говорит нечто обратное. Вот две цитаты из одной и той же его работы относительно древности славянского языка: «...За многотысячелетнюю историю общеславянского языка и выделившихся из него славянских языков они то сближались, то расходились с другими индоевропейскими языками» [112, с. 26]; «... Мы должны будем признать, что достоверно принадлежавшие славянам памятники, более древние, нежели VI в., пока точно не установлены» (там же, с. 35).

Легко заметить, что приведенные тезисы противоречат друг другу. Если не известны следы славянства более древние, нежели от VI в., то откуда известно, что «общеславянский язык и выделившиеся из него славянские языки» имеют «многотысячелетнюю историю»? И к тому же «сближались и расходились с другими индоевропейскими языками»? И что автор понимает под «схождением» и «расхождением»? Как я уже ранее говорил, если расхождению языков исторический материал дает подтверждение, то «схождение» остается целиком на совести тех, кто этот термин использует, забывая привести примеры таких «схождений». Крайне неудачна

фраза «...общеславянского языка и выделившихся из него славянских языков...». Если из какого-то языка выделился язык, то на самом деле мы имеем распад одного языка на два родственных. А приведенная цитата снова вызывает в памяти сравнение с праязыком-курицей, несущей выделившиеся языки-яйца. И когда же эта курица наконец попала в суп истории?

Вернемся к «многотысячелетней истории славянского языка и выделившихся из него славянских языков». Истории не известно ни одного случая, чтобы живой язык за тысячи лет не менялся. А поскольку в любом языке есть диалекты, значит, всегда будет тенденция к превращению их в самостоятельные языки. Если же язык распался на самостоятельные языки, как, например, праславянский – на отдельные славянские, то за тысячи лет они разойдутся так, что только научный анализ позволит определить их родство между собой. Поскольку родство славянских языков легко определяется на бытовом уровне, то не может быть и речи о многотысячелетней истории отдельных славянских языков. Языковедение давно уже рассчитало, что распад единого праславянского языка начался в VI в. н. э. Обратим для начала внимание на совпадение двух дат: когда историческая лингвистика фиксирует начало распада праславянского языка и образование отдельных славянских языков, археологи фиксируют первую безоговорочно славянскую археологическую культуру. Несомненно, VI в. занимает особое место в славянском этногене-

зе, и я к нему еще вернусь.

В истории вопроса славяногенеза приходится с огорчением констатировать, что слишком многие историки игнорируют древний принцип «без гнева и пристрастия». Как это происходит – цитирую: «Литература о славянской прародине огромна, и рассмотреть ее невозможно даже в специальной работе. Принципиальное значение может иметь оценка двух подходов и представлений: один, идущий от П. Шафарика (1795—1861), именуемый иногда «романтическим», – взгляд на славян как народ, издревле занимавший обширную территорию, другой – предположение о существовании небольшой прародины, из которой происходит расселение в разных направлениях. Именно второй вариант породил множество концепций, причем не обошлось и без влияния локальных патриотических настроений. О.Н. Трубачев напомнил «мудрые слова Брюкнера, который давно ощутил методологическую неудовлетворенность постулата ограниченной прародины: «Не делай другому того, что неприятно тебе самому». Немецкие ученые охотно утопили бы всех славян в болотах Припяти, а славянские – всех немцев в Долларте (устье р. Эмс. – *О.Т.*); совершенно напрасный труд, они там не уместятся; лучше бросить это дело и не жалеть света Божьего ни для одних, ни для других» [101, с.113].

Поскольку А.Г. Кузьмин цитирует О.Н. Трубачева и Брюкнера с явным одобрением, значит, согласен с такой позицией. Того, кто занимается наукой, должна интересовать

истина. И ничего больше! Если ты больше озабочен вопросами национальной и политической толерантности, то историю следует бросить и податься в политические публицисты. Я же со своей стороны не могу понять, чем плохо иметь предков, вышедших, допустим, из болот Полесья на широкую историческую арену. Чьи предки где поместятся, а где нет – предмет исторической демографии, а не психологических комплексов на тему «я тебя уважаю – и ты меня уважай»!

О терминах «склавин» и «сакалиба»

Еще одной непреложной истиной считается, что слова «склавин» и «сакалиба» значат то же самое, что и «славянин». Первое из них – «склавин» – широко применялось в Европе в Раннем Средневековье, в поздней латыни *sklavus* – «раб», в современном немецком языке оно сохранилось доньше в форме «склав» – «раб». В свое время расистски настроенные германские историки истолковали этот факт в том смысле, что еще древние германцы смотрели на славян как на народ, годный только в качестве рабов для высшей германской расы. Самое забавное, что никакого другого вразумительного объяснения никто из них не дал. В самом деле: почему и по-латыни, и по-немецки слова «раб» и «славянин» звучат одинаково?

Единственный камень преткновения в идентификации понятий «славянин» и «склавин» – звук *к*, совершенно против всяких законов лингвистики затесавшийся в слово «склавин» между *сил*. Самое первое упоминание славян в форме «склавинос» относится к 525 г. Кроме того, слово встречалось в форме «склавин», «склавен», «склав», «склавус». В арабском языке раннего средневековья употребляли другое слово, где согласный звук *к* «переехал» во второй слог: «сакалиб», «сакалиба».

Версии, при помощи которых пытались объяснить такие

формы написания, смотрите у В.П. Кобычева [90, с.10; с.121—122].

Стоит обратить внимание, что «склавин» и «сакалиб» звучат не очень похоже друг на друга. Для того, чтобы считать эти слова родственными, не обойтись без предположений о перестановке и выпадении звуков, о переходе звука *в* – в *б* и звука *и* – в *а*. Оба слова явно неславянские по происхождению, значит, если считать их самоназванием славян, то они – заимствованные, как справедливо указывает В.П. Кобычев. Но на каком основании утверждается, что эти термины – суть самоназвание славян, что античные и арабские авторы от самих славян слышали их. Известно много случаев, когда окружающие народы называли соседний народ именем, которым он сам не пользовался. Похоже, исследователей просто завораживает определенное сходство слов «склавин» и «саклаб» со словом «славянин».

В 30-х гг. академик Н.Я. Марр высказывал мнение, что «племенное название «славянин» и «склав» происходят от древнего имени скифов – «сколоты». Эта версия была популярна в советской науке до начала 50-х гг., когда учение Н.Я. Марра о языке было отвергнуто советской лингвистикой» [90, с. 10]. При этом Марра отвергли всего целиком, хотя по частным вопросам у него встречаются остроумные догадки.

Сразу определяюсь: Н.Я. Марр был неправ, возводя этимологию слова «славянин» – к «сколот». Но происхождение

слов «склавин» и «сакалиба» со словом «сколот» – связано. Ошибка исследователей, еще раз подчеркну, в том, что слово «славяне» считалось тождественным словам «склавины» и «сакалибы» с учетом иноязычных искажений. Это совершенно неверно.

Термин «сколоты» выше истолкован как «белые поляне» – корни «сак» (поле/степь) и «лот» (белый/светлый). Сравним его для начала со словом «сакалаба»/«сакалиба». Здесь сходство улавливается проще всего – в «сакалаба» просматриваются искаженные на арабской почве те же самые корни: «сака» – «либа»/«лаба». Но «сколоты» – название очень древнее, восходящее еще к дославянскому времени. Народы Востока, видимо, с древних времен называли так население Восточной Европы. В Средней Азии еще в XIX в. российского монарха называли «белый царь».

В таком случае под термином «сакалаб»/«сакалиба» скрывается значение «обитатель Восточной Европы, проживающий севернее Кавказских гор и Черного моря, до тех пределов к северу, о которых известно». «Сакалаб»/«сакалиба» могло означать восточного славянина, но также могло означать алана, гунна, гота, даже мадьяра. В.В. Мавродин цитирует ибн Фадлана: «Булгар – город славян, болгарский хан – царь славян» [112, с. 112]. Он в недоумении, ведь мы прекрасно знаем, что волжские булгары – тюрки. На самом деле здесь неверный перевод одного слова. Надо читать: «Булгар – город сакалиба, болгарский хан – царь сакалиба». То есть

булгары здесь названы восточноевропейцами, что, в общем, верно, за исключением того, что болгарский хан – царь не всех сакалиба. В средневековых Иране и Турции вполне могли написать: «Лондон – город франков, английский король – правитель франкский». В настоящее время «страну сакалиба» называют «Россия». И по значению корней, и по локализации места «Россия» – калька с «страна сакалиба». Поэтому все сообщения восточных авторов о делах в Восточной Европе надо пересмотреть. Если там присутствует термин «сакалиба»/«сакалаба», следует определить, кого имеет в виду автор источника, а не записывать всех «сакалиба» чохом в славяне. Например, известно, что в процессе образования Арабского халифата арабские войска на «Славянской реке» взяли в плен 20 тыс. «славян», причем под «Славянской рекой» предполагается Дон. Река, пожалуй, что и Дон, но арабские пленники, несомненно, были аланами, булгарами, уграми, может быть, готами. Восточно-европейцы впоследствии достигали больших чинов в халифате, как, например, Сарреб-ал-Сакалаба, Абдалла бен Габиба ал-Сакалаби. Полем деятельности различных сакалибов был весь бассейн Средиземного моря: Италия, Северная Африка, Испания [90, с. 7 – 8]. Всех их принято считать славянами, что также ошибочно. В недавно вышедшей монографии весьма убедительно доказывается, что термин «сакалиба» в странах Востока не всегда означал этническую принадлежность. В разные века, в разных странах он имел различное значение [123, с. 7 –

21]. Переход значений слов – явление нередкое. Например, на Псковщине слово «литвин» означает «хулиган», «разбойник», а слова «швейцар», «швейцарец» тоже не всегда означают национальность.

Теперь обратимся к термину «склавин»/«склавен», который применялся уже в Европе. С учетом разбора предыдущего слова его можно разложить на три корня: «сак» – из которого выпал краткий звук *а*, из-за чего он превратился в малопонятное *ск*, по поводу которого сломали немало перьев лингвисты и историки, корень «лат» с выпавшим *т*, вместе с которым получается уже знакомый ранее этноним «сакалот», корень «вен»/«вин», присутствующий в названиях многих народов, от Индостана – до полуострова Бретань. Термин «склавин» скорее всего сарматский по происхождению, сами сарматы, по-видимому, говорили «сакалотвены», то есть здесь «сколоты» слиты с «венетами» в одно слово, не все звуки которого ясно улавливали носители греческого и латинского языков.

Этимология термина «сколот», а точнее «саколот», подробно разбиралась ранее, теперь остановлюсь еще раз на корне «вен»/«вин» (термин «венеты» – бином, о нем позднее).

Значение корня «вен»/«вин» определено уже давно и совершенно правильно, а вот смысл, который он несет в этнонимах, определен неправильно, что породило путаницу у многих исследователей.

В начале данной работы мною помещен популярный очерк о бытовании терминов, связанных с названиями цветов, в языках первобытных народов, поэтому повторяться не буду. Поскольку слова, сходные по звучанию и происхождению, с корнем «вен»/«вин» во многих индоевропейских языках имеют смысловые связи со словом «вода» [90, с. 125], то был сделан вывод, что этнонимы с таким корнем означают «житель влажной страны». Но насколько такая версия соответствует законам образования этнонимов? Люди всегда, если была возможность, старались селиться у воды, но этнонимов типа «водичи» или «реченцы» неизвестно, что неудивительно, так как этноним образуется для того, чтобы отличить свой коллектив от других. Могут быть «болотичи», «озериты», «поморяне», если в их земле много болот, озер или они обитают у морского побережья, но какую этнонимическую нагрузку может нести информация о том, что то или иное племя (народ) живет у воды?

Логично предположить, что в своем старшем значении корень «вен»/«вин» был связан с понятием «белый»/«светлый», а в процессе функционирования некоторых индоевропейских языков в них он приобрел значение «цвета воды», «водянистый». От этого корня произошли бытующие ныне интернациональные термины «вена» и «венозный», «виньетка», а также название планеты – Венера. В языке кимвров уже в историческое время *gwini* означало «белый», «сходный с цветом воды», да и немецкое *Winter* – «зима» – скорее

происходит не от «мокрое время года», как указывает В.П. Кобычев, а от «белое время года», также немецкое Wind – «ветер» имеет одно смысловое поле со значением «светлый». Видимо, отсюда северогерманское имя Гвин – мужской аналог имени Света. А.Г.Кузьмин предлагает в этот же ряд ирландское find – «белый», «светлый» [101, с. 99]. Также скорее к понятию «светлый», нежели к понятию «мокрый» следует отнести готское Vinia – «луг». Очевидно, в кельтских и италийских начальный звук корня произносился как *φ*, отсюда уже рассмотренные ранее интернациональные термины «финал» и «финиш».

В балтских языках, по крайней мере в литовском языке, начальный звук произносился как *g*. Если исходить из этого, легко решается загадка этимологии слова «янтарь». По-литовски он – «гинтарас». Нелепо звучит гипотеза, что восточные балты могли заимствовать это слово у славян. Исследования праславянского языка однозначно показывают – праславяне никогда не жили у моря, а балты жили у моря с древнейших времен, собирали янтарь, которым снабжали всю Европу. Балтское (или литовское) *гин* – аналог иноязычных *фин* и *вин*. Попытки этимологизации слова «янтарь» – яркий пример того, как языковедам не хватает знаний по истории для поисков истины в своей сфере науки.

Но вернемся к слову «склавины», в котором обнаружены три корня: «сак» – «степь»/«поле», «лат» – «белый», «вин» – «светлый». Создатели такого сложного слова, видимо, уже не

знали, что у них получилась тавтология, слово «сакалот» они воспринимали как цельное, как этноним, к которому они прибавили корень «вин». Такие случаи бывают. В качестве примера возьмем слово «Белоруссия». Это бином, причем второй корень «рус» стал восприниматься только как этноним, но память о том, что здесь «страна белых» осталась, в результате – такое странное сочетание, которое, однако, без лингвистического анализа странным не кажется.

Исходя из вышесказанного, трудно предположить, что термин «склавины» создали постантичные грамотеи, искажившие непонятным образом слово «славяне». Склавинами называли в VI в. население Паннонии, а оно было очень смешанным, с доминированием славян. Соседи имели потребность в едином названии для всей этой интернациональной массы, так как в это время славяне перешли к активным военно-грабительским действиям, прежде всего против Византии. Политического единства славяне не имели, термин «славянин» не стал еще их устойчивым наименованием. Термин же «сколоты» могли занести в Паннонию либо сарматы, либо разнородная гуннская общность. К нему присоединили корень «вин» – возможно, это сделали славяне, и термин стал обозначением степного населения Среднего Подунавья. Как в Восточной Европе за термином «сакалиб» мог скрываться и славянин, так же точно за термином «склавин» мог тоже скрываться славянин. Но не обязательно. Это мог быть также сармат, гунн, германец. Паннония никогда

не была чисто славянской территорией, когда в конце IX в. мадьяры обрели родину, они застали в Паннонии также немцев-гепидов. Степную часть своей страны венгры и сейчас называют Алфельд. Очевидно, название осталось от гепидов («ал» – «фельд»), корень «фелд» имеет параллели в других германских языках, например, африканские буры свою степь называют вельд. Значение корня *ал* известно. Следовательно, «Алфельд» переводится – «Белая (светлая) степь». Опять получилось название, неоднократно здесь упоминаемое, – германская калька для «саколот», «склавин», что косвенно подтверждает правильность этимологии слова «склавины».

Выскажу предположение – почему в поздней латыни и в немецком языке «склав» означало «раб». В V в. распалась империя гуннов, центр которой был в Паннонии. Исторический опыт показывает, что распад крупных империй, как правило, сопровождается длительными междоусобными войнами, пока не наступит новое равновесие и ситуация не стабилизируется. Распад гуннской державы в этом смысле исключением не был. Многочисленные войны в те времена всегда сопровождалась захватом большого количества пленных, которых превращали в рабов. Большинство пленников-рабов, очевидно, продавались за пределы бывшей гуннской державы, в том числе на Запад. В таком случае Паннония – этот степной клин в сердце Западной Европы – должна была стать перевалочным пунктом торговли рабами на За-

пад, через налаженные торговые пути. Славяне в VI в. совершали набеги на Византию, при этом тоже приводили рабов на продажу. Таким образом, многие западноевропейские народы солидный процент рабов в течение длительного времени получали из «страны склавинов», на бытовом уровне таких рабов называли «склав(и)», хотя по происхождению они были из десятков различных этносов. Подобные явления существуют и в наше время. Так, на Западе существует понятие «русская мафия», хотя русских в ней немного. Нетрудно представить себе, что при определенных условиях случится так, что слово «рашен» заменит слово «мафиози». Нечто подобное произошло на Псковщине со словом «литвин».

Подчеркну еще раз: в XIX в. историки совершили крупную ошибку, решив, что «склавин» и «сакалаб» означают славян. Поэтому они механически записывали в славянскую историю все, что под этими терминами сообщалось в дошедших документах. На самом деле под этими названиями скрывались представители разных этносов, иногда в том числе и славяне. Я отдаю себе отчет: признать ошибкой то, что считалось непреложной истиной полтора столетия, для многих будет тяжело и даже невозможно. Версии со стажем имеют тенденцию становиться прочнее камня. Но только убрав эти каменные завалы, можно идти вперед.

Индоевропейцы из небольшого народа выросли до языковой общности громадных размеров; в ходе расселения по Евразии одни и те же племенные названия «уносились» пе-

реселенцами весьма далеко от родных мест, изменялись в произношении, искажались. Из этого следуют два вывода. Первый: нет ничего удивительного, если похожие названия окажутся у совсем непохожих друг на друга этносов (готы, еты, юты, хаты, геты, хетты, массагеты, тиссагеты, авхаты и др.). Второй: похожие названия у этносов, живущих на приличных расстояниях друг от друга, вовсе не означают, что между этими этносами существует близкое родство. Этот вывод относится и к этносам, имеющим в названии корень «вен»/«вин». То, что во многих местах Европы был известен этноним, похожий на «венеты», одних исследователей повергает в недоумение, другие пытаются построить концепцию переселения одного народа в самые разные места и стороны [90, с. 14—26; 101, с. 89—103]. Получается невероятная путаница, к тому же подобные версии основаны на таком количестве допущений и на таком полном отсутствии хотя бы косвенных доказательств, что вместо науки получается вера. Но почему одни венеты (или народ с похожим названием) не могут быть кельтами, другие иллирийцами, третьи фракийцами, четвертые балтами, пятые протославянами? Корень, родственный «вен»/«вин», присутствует в этнонимах также некоторых азиатских народов. В этом вопросе историкам не обойтись без квалифицированной помощи лингвистов.

Этимология слова «венеты»/«винеты»

Теперь можно заняться анализом слова «венеты»/«винеты» включающего корень «вен»/«вин». Как уже сказано, это бином, состоит из двух корней: «вен»/«вин» и «еты». Первый корень имеет смысл «белый»/«светлый». Что же означает формант «еты» – это суффикс или самостоятельный корень? Если считать суффиксом, то возникает затруднение: с каким языком (языками), с какой грамматикой связан он, какой смысл привносит?

Есть версия заслуживающая внимания. Когда-то в до-индоевропейское время обширные районы Европы заселяли носители иберо-кавказских языков. А в современном грузинском языке формант *ети* активно используется для названий территорий: Кахети, Сванети, Имерети. Таким же способом образовано название Осетия, Россия по-грузински – Русети. Может быть, перед нами остатки европейской иберо-кавказской лексики?

Версия остроумная, и сбрасывать ее со счетов нельзя. Но есть аргументы против нее. Во-первых, не совсем ясно происхождение этого форманта в грузинском языке. И можно ли назвать его исконно иберо-кавказским? Во-вторых, территория, где иберо-кавказцы в Европе задержались дольше всего, – Пиренейский полуостров, не дает нам в области то-

понимии и этнонимии примеров названий с *ети*. Баскский язык тоже не дает аргументов в пользу такой версии. Но в тех случаях в Европе, когда есть формант *еты*, речь идет о названии народов, а не о названии территорий. Есть в Центральной Европе горы Судеты, но название это явно от народа судеты, жившего в тех краях в начале н. э.

Последнее наблюдение позволяет выдвинуть версию, что *еты* – на самом деле индоевропейское слово, потерявшее в самом начале звук *г*, или *х*, или же звук, средний между ними. Получается знакомое слово «геты»/«хетты» – «народ», «этнос».

Скорее всего, начальный выпавший звук произносился так, как принято в нынешнем украинском, а в древности – в латинском языке, т. е. звук, средний между *г* и *х*. В этом случае он оглушался предыдущим звонким *н*, постепенно пропадал из слова, которое начало восприниматься и носителями этнонима, и их соседями как одно цельное слово. Эпимон «вен(г)хетты» превратился в «венеты». В связи с этим получает объяснение один странный факт, который настолько озадачивает историков, что только некоторые упоминают его в работах о происхождении славян. Суть в том, что византийский историк начала VII в. Феофилакт Симокатта утверждает, «что геты – это древнейшее наименование славян» [168, с. 186]. Действительно, в слове «венеты» присутствует усеченное на первый звук слово «геты». Узнать факт, приводимый Симокаттой, византийцы заведомо могли толь-

ко от самих славян, следовательно, около 600 г. славяне еще помнили о сложном составе слова «венеты». Иногда они говорили о себе «вене». Но ни в одном славянском языке слово «геты» в значении «народ» не сохранилось.

Возможно, корень «гот»/«гет» очень древний и в индоевропейском языке из ностратического языка. Дериваты корня активно использовались в языках как группы сатем, так и группы кентум, не только в этнонимах, но и в других словах. Несомненно, корень «гот»/«гет»... в различных формах, с искажениями широко использовался в европейской этнонимии, в частности у общих предков балтов и славян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.